

8 коп.

СЕРГЕЙ

РОЗАНОВ

ЕЩЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬ-
СТВО

1

9

3

1

С У П

Комсомолка Надя, вожатая пионерского отряда, рассказывает

МУРИНЬКЕ

1

Был 1920 год. Январь. В то время нас со всех сторон окружали белые враги. Но наша Красная армия собирала силы, крепла. Отвоевывала у белых город за городом.

И вся страна наша помогала Красной армии бороться с врагами. Все, что только было у государства, у нашей республики, — все шло Красной армии. А была тогда наша республика очень бедной, потому что враги мешали, не давали нам заниматься мирной работой. Те части нашей республики, где больше хлеба, были заняты белыми, и там шла война.

Теперь каждый из вас ест и белый хлеб, и баранки, и чай пьет с сахаром. А тогда не было в Москве даже хлеба. Нам, детям, до-

ставалось в день по восьмушке черного хлеба с отрубями, но бывали такие дни, когда ничего не доставалось. Мы не жаловались. Мы понимали, что нужно терпеть и ждать, пока Красная армия победит белых. Мы радовались, когда кроме хлеба выдавали еще что-нибудь: конфеты, сахар, сушеную воблу. Тогда у нас получался настоящий праздник. Но всего этого хватало не надолго. Скоро опять наступал голод.

2

Помню одну такую тяжелую неделю. Выдач давно не было. Оставалось у нас всего только две воблы. Дров не было. Все, что можно пожечь в печурке, уже пожгли. Сожгли ящик от папиных книг, а потом пожгли и самые книги. В то время в Москве стояли сильные холода. Меньше двадцати градусов мороза не бывало. В комнате нашей тоже было холодно, потому что не топили. И спали мы не раздеваясь.

Однажды утром мама поставила на последних углях самовар. Самовар закипел. В трубе осталось даже несколько горячих уголочков.

Мама сказала:

— Ну, ребятки, вы пока погрейтесь, а к пяти часам пусть Катя идет за обедом. Я приду вечером, пообедаю с вами.

Мама ушла на службу, а мы остались втроем вокруг кипящего самовара. Было холодно. Мы сидели в пальтишках и держали руки над самоваром. Катя налила всем морковного чаю, а потом сказала:

— Давайте, пожалуй, изжарим одну воблочку.

Миша подумал и ответил:

— Нужно еще дров итти искать. Очень долго. Давайте лучше так съедим воблочку.

— Без всяких дров! — сказала Катя. Она достала из мешочка воблу, взяла веревочку и привязала воблу за хвост.

Я смотрела на Катины приготовления и думала: „Что же дальше будет?“ Катя взяла папину линейку, привязала к ней конец веревки и опустила воблу в самоварную трубу.

Миша засмеялся.

— Это как будто мы рыбу ловим, только наоборот.

— Почему наоборот?

— Рыба ловится за ротик, а эта за хвостик пойматая.

Линейка с веревкой была и вправду похожа на удочку.

— Ну, теперь считайте до шестисот, — командовала Катя.

Мы все начали хором считать. Даже Миша, хоть не приходилось ему раньше считать так долго, повторял за нами: четыреста одиннадцать, четыреста двенадцать, пятьсот... пятьсот девяносто... И вот наконец все особенно громко крикнули — шестьсот! — и Катя вытащила воблу из трубы.

Это было настоящее угощение. Даже косточки стали мягкими и вкусными. Даже воблина головка. Из рыбки ничего не пропало. Снаружи она немножко почернела, но это об-

горела чешуя, которую все равно есть нельзя. Мы поделили воблочку и снова принялись за чай. После воблы чай казался особенно вкусным. Чай был сладкий. Катя подливала в каждую чашку сахарину, по сколько хочешь.

Когда выпили по две чашки, Миша сказал, совсем как Катя:

— Давайте, пожалуй, изжарим другую воблочку. Я буду сам удочку держать, а вы считайте.

Мы с Катей думали оставить вторую воблу маме, но удержаться никак было нельзя. Мы зажарили рыбку и съели. Удочку держал Миша.

Потом еще выпили по четыре чашки.

4

Самовар опустел и остыл. Стало совсем холодно. На улицу идти было страшно: мороз. Играть ни во что не хотелось.

Катя сказала:

— Давайте ляжем все на кровать, покроемся одеялом и будем спать.

Так и сделали. Под одеялом стало тепло и уютно. Немножко поспали. А потом я начала разговор:

— Вот я была в прошлое воскресенье у подруги. Там давали лепешки на касторовом масле. Очень вкусно. Знаете, когда касторку

нужно пить, — такой противный запах, а лепешки вкусные! Почему это так получается?

— Жареное все вкусное, — сказал Миша. — Я люблю жареное. Очень хочется есть!

Катя стала нас утешать:

— Вот скоро будут выдавать по детским карточкам муку и подсолнечное масло. Я прочитала объявление в продовольственной лавке. С той недели начнут выдавать. Мы тоже лепешек нажарим. А потом скоро будет у нас много хлеба. Красная армия, где папа, уже взяла Харьков. А Харьков — это Украина. Там много хлеба. И нам привезут. Папа приедет.

— Хочу хлеба! — вдруг сказал Миша, и мы обе поняли, что он сейчас заплачет. — Хлеба хочу, хоть маленький кусочек!..

— Ну, потерпи немножко, — сказала Катя, — скоро я обед принесу.

Но идти за обедом было еще рано. Я вылезла из-под одеяла и начала переворачивать в буфете мешки от продуктов, газеты и посуду. И вдруг в самом углу буфета я увидела газетный сверточек. В газете было что-то твердое. Я развернула газету — это был кусочек черного хлеба.

— Миша! Катя! Хлеб! — закричала я во весь голос.

Миша и Катя выскочили из-под одеяла. Хлеб был совсем сухой и даже покрылся плесенью с одного конца. Мы начали стучать хлебом о стол. Хлеб раскололся на несколько кусочков. Мы поделили кусочки. Мише дали побольше. Какой это был вкусный хлеб! Совсем как теперешние конфеты „Мишка“. Жаль, что его было маловато!

Потом Катя взяла кувшин и пошла за обедом. Мы с Мишей остались одни и снова залезли под одеяло.

Прошло много времени. Пришла мама со службы, принесла полный портфель щепок и полфунта хлеба. Ей выдали на службе. Мама затопила щепками печурку, зажгла лампочку. Стало тепло, даже жарко. Мама поставила на печурку чайник. Мише снова захотелось есть, мне тоже. Но Катя все не шла и не шла. Мама начала беспокоиться.

5

А с Катей в это время случилось вот что. Нам выдавали обед в Доме советов. Это очень далеко от нашей квартиры.

Катя дошла туда благополучно. Только очень замерзла. Но в столовой Дома советов было тепло. Стояла длинная очередь. Приходили все новые люди с кастрюльками, мисками, веде-

рочками. А некоторые только с ложками. Это те, которые не брали обед домой, а обедали тут же, в столовой.

Катя нарочно несколько раз уступала свою очередь, чтобы дольше побыть в тепле. Нако-

нец она подошла к окошечку, где выдавали обед. Ей вылили в кувшин три порции супа и дали три котлетки из мороженой картошки. Суп был из капусты и свеклы. На каждую порцию супа полагалось по одной картофелине.

Катя завернула котлеты в бумагу и положила в карман. Кувшин был теплый. Она обняла его обеими руками и вышла на улицу. Стало уже совсем темно. Электричество на улицах тогда не горело. Катя прошла две улицы и снова стала мерзнуть. Суп остыл. Очень холодно было рукам. Кувшин был умывальный. Нести его одной рукой тяжело, а двумя неудобно, а главное—холодно. Чтобы немножко согреться, Катя побежала вприпрыжку. Суп болтался в кувшине и брызгал ей в лицо. Катя подняла голову повыше и вдруг с размаху ударилась обо что-то ногой. Кувшин вылетел у нее из рук. Суп разлился по мерзлему тротуару.

Катюша села на снег и заплакала. Она плакала не от боли. Ей было жалко супа. Дома ждали мама, Миша и я. Однако сидеть было холодно. Катя встала и, прихрамывая, подошла к кувшину. Суп замерз и лежал рядом с кувшином серыми мерзлыми комками. Катя нагнулась и руками стала собирать суп обратно в кувшин.

Только тут она заметила, что споткнулась о большое круглое бревно, которое лежало поперек тротуара. Кругом никого не было. Бревно было ничье. Катя подумала: „Ведь это нам на неделю хватит топить“.

Она попробовала поднять бревно. Бревно было очень тяжелое. Катя поняла, что ей не донести сразу и кувшин с супом и бревно. Но она была великая выдумщица. Она пробежала несколько шагов с кувшином, поставила его, вернулась обратно и стала катить бревно к кувшину. Потом снова отнесла кувшин впе-

ред, опять вернулась к бревну и покатила его вперед по тротуару. Прохожих на улице было немного. А кто и видел Катю, не обращал на нее внимания.

— Ну, через час доберусь домой, — сказала Катя громко. Ей стало даже весело, что она так ловко придумала.

У нас уже давно погасла печка. Мы не могли дожидаться Катю. Мы попили еще чаю и съели мамин хлеб. Кате оставили маленький кусочек. Мама волновалась все больше и больше:

— Что-то случилось с Катей! Нужно пойти сй навстречу!

Я успокаивала маму, как могла. А сама тоже стала бояться за Катю: вдруг она отморозила себе ноги и не может дойти до дома. Валенки у нее были с дырками.

Мама сказала решительно:

— Нет, я пойду.

Она уже встала с места, но в это время в коридоре раздался шум и затопали ноги.

— Ну, вот и Катя! — сказала мама, сразу повеселев.

Дверь в нашу комнату открылась, но вместо Кати вошел другой человек. Он был в шинели, полушубке, валенках и серой солдатской шапке с красной звездой. За плечами у него висел зеленый солдатский мешок, а в руках он держал большую белую плетеную корзину. На его усах и бороде прилипли ледяные сосульки.

Я хотела что-то сказать, крикнуть, но не могла. Мама сразу села на стул и тоже мол-

чала. Человек стоял и улыбался. Это был наш отец. Миша не узнал его и первый заговорил:

— У нас папа тоже в Красной армии. Вы его там не видали, товарищ?

Папа засмеялся, подошел к маме, обнял ее за плечи и сказал:

— Ну, вот и я. Что же, принимайте гостя!

Мама положила папе голову на грудь и ничего не говорила. Я заплакала, сама не знаю почему. Папа взял меня и Мишу на руки, запрыгал с нами на руках по комнате и сказал маме веселым голосом:

— Мать, развязывай корзинку, ужинать будем.

В корзинке был белый хлеб, баранки, украинское сало, масло и много других продуктов. А потом еще были четыре коробки самого настоящего мармелада, про который я давно позабыла, какой он на вкус. А Миша и никогда мармелада не ел. В мешке был целый пуд самой настоящей белой муки.

„Вот теперь заживем! — подумала я. — Что же это Катя не идет?“

Мама быстро накрыла на стол, нарезала хлеба, сала, колбасы. Мы с Мишей принялись за еду. У меня от еды закружилась голова. Вдруг папа спросил:

— А где же Катенок? Или из школы еще не приходила?

— За обедом пошла, — тревожно ответила мама. — Вот только нет ее долго!

— А куда она пошла? В какую столовую?
Мама объяснила.

— Ну, не волнуйтесь. Мы ее сейчас мигом разыщем, — сказал папа и стал надевать полушубок.

В это время дверь отворилась и в комнату протиснулась Катя. Обеими руками она прижимала к себе кувшин с супом.

— Катюша, наш папа приехал! — крикнул Миша.

Катя поставила кувшин на пол и бросилась к отцу.

— Что же ты так долго, хозяйка ты моя? — сказал папа.

— А я бревно катила. Оно там, у лестницы, не могу его сюда поднять.

— А вот мы его сейчас! — сказал папа, вышел за дверь и скоро вернулся с громадным бревном на плече.

— Вот это бревнышко! Я-то его еле несу! — закричал он, поставил бревно в угол и спросил у Кати: — А это что у тебя в кувшине?

— Это суп, — ответила Катя, — он немножко грязный.

Папа посмотрел в кувшин и сказал:

— Ну и суп! — А потом прибавил: — Ах вы, милые мои, тоже ведь боретесь! Ну, погодите, прогоним белых, и забудете про такой суп!